

(Не)возможности перевода: о любви к жестким материалам и твердым объектам

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА

BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан

ORCID: 0000-0002-6798-963X

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н. А. (2024) (Не)возможности перевода: о любви к жестким материалам и твердым объектам. *Социология власти*, 36 (2): 164-169. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-164-169>

For citations:

Volkova N. A. (2024) (Im)Possibility of Translation: On the Love of Hard Materials and Solid Objects. *Sociology of Power*, 36 (2): 164-169. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-164-169>

Поступила в редакцию: 01.06.2024; прошла рецензирование: 06.06.2024; принята в печать: 07.06.2024

Received: 01.06.2024; Revised: 06.06.2024; Accepted for publication: 07.06.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

В конце 2022 года вышел специальный выпуск журнала *Adaptive Behaviour*, который работает на стыке философии и нейробиологии. Приглашенным редактором выпуска стал философ-феноменолог Юлиан Киверстейн, а ключевой текст написал его давний соавтор и коллега Эрик Ритвельд. Участие в этом выпуске приняли по меньшей мере два известных исследователя — феноменолог Тим Ингольд и работающая в русле акторно-сетевой теории и социальной топологии Аннмари Мол. Поводом для выпуска стала лекция, прочитанная Ритвельдом при вступлении в должность почетного сократовского профессора университетов Амстердама и Твента [Rietveld 2022]. Таким образом, номер стал знаком публичного признания заслуг Ритвельда, который в течение 14 лет развивал собственную концепцию социо-материальных практик и исследования возможностей физической среды с помощью игровых и экспериментальных подходов.

Профессиональная траектория Ритвельда необычна для академического исследователя — философа или когнитивиста, но типична для архитектора. Вместе с братом Рональдом он создал в 2006 году архитектурное бюро RAAAF, создающее проекты

на стыке философии, когнитивных наук, архитектуры и искусства, ориентированные на пространственные эксперименты. Архитектурная практика братьев Ритвельдов развивает теоретические концепции Эрика, связанные с ситуативным восприятием, нормативностью [2008] и возможностями среды — аффордансами. Переход от архитектурного описания взаимодействия со средой к описанию академическому маркирует совместная статья Эрика Ритвельда и Юлиана Киверстейна, опубликованная в этом номере [2014]. Этот текст комбинирует опыт практических экспериментов с экспериментальным подходом к теории. В одном из интервью Аннмари Мол сравнила подобную установку акторно-сетевых исследователей по отношению к теории с использованием «ящика с инструментами».

Экспериментальность не единственное, что сближает подход Ритвельда с поворотом к материальности в социологии и исследованиями науки и технологий (STS) [Shapin, Shaffer 2011], к которым Ритвельд отсылает в своей инаугурационной сократовской лекции. Комментируя его речь, Мол фокусируется не на философских аргументах, а на чувствах и отношениях с объектами. Мол сравнивает архитектурные объекты Ритвельдов со знаменитым зимбабвийским насосом, который описан в ее совместной статье с де Лаэт [2017]. С точки зрения Мол, объекты Ритвельдов также изменчивы, текучи и подвижны, что позволяет людям выстраивать с ними близкие отношения и даже любить их. Мол интересуется, как меняется характер отношения к вещам или форма любви, если она будет направлена не на текучие объекты, а на жесткие конструкции из «бетона, металла и дерева». Сравнивая позиции двух социо-материальных философов Серра и Ритвельда, Мол указывает, насколько различаются их концепции материальности. Если Серр говорит о материальных объектах на примере «облаков, болот и разливающихся рек», к которым проникаешься чувствами и симпатией, то в случае с жесткими объектами, спрашивает Мол, «будет ли она [любовь к ним] жесткой и маскулинной?» [Mol 2022: 518].

И вопрос, который задает Мол, и ее ответ на него встраивают исследования Ритвельда в длинный спор между позитивистским подходом к исследованиям и методами социальной антропологии. Ответ, который предлагает Мол, наделяет сами жесткие объекты Ритвельдов изменчивостью и построен в логике STS. В зависимости от масштаба рассмотрения объект можно представить как цельную форму или как сеть элементов. Однако кажется, что точно поставив вопрос, Мол дает на него не очень точный ответ, поскольку она обращает внимание лишь на социоматериальные аспекты философии Ритвельда и Киверстейна, но игнорирует ее феноменологическое измерение. С точки зрения феноменологического понятия

аффордансов явная активность объектов связана с их изменением, а скрытым образом они лишь предлагают возможность взаимодействия или определенный тип отношений. Задачей взаимодействующего человека тогда становится умение распознать эти возможности и использовать их. Именно поэтому ответ Ритвельда на вопрос о любви существенно отличается от ответа, который дает Мол.

Отправной точкой спора между позитивизмом и социальной антропологией можно считать доклад «Логика социальных наук», прочитанный Карлом Поппером на конференции Германского социологического общества в Тюбингене в 1961 году. Два основных пункта критики Поппера связаны с тем, что антропология как полевая наука стала преобладать в западных обществах над социальной теорией. По мнению Поппера это приводит социологию к глубокому философскому релятивизму и абсурду, в котором «нет объективной истины, ... а есть только истины или науки для того или иного клана, или группы, или профессии» [Поппер 2000: 305]. Поппер противопоставляет хаосу социальных наук естественнонаучный позитивизм, который основывается на взаимных «дружеско-вражеских отношениях» и позволяет достигнуть объективности как результата социального взаимодействия. Возникает ощущение, что Поппер предлагает социологам определиться: опираются ли они на научный способ познания или их сфера деятельности относится к миру идей, ценностей и культуры.

Есть две возможности ответить на критику Поппера. Можно прямо выступить с опровержением аргументов Поппера, как это делали Адорно и Хабермас. Это игра по правилам Поппера: так же как Поппер, Адорно и Хабермас пытаются построить социальную теорию, не выходя из кабинета. Однако можно согласиться с критикой Поппера, но сместить при этом акценты и сделать шаг от позитивизма к скептицизму и тестированию реальности. Путем скептицизма идут сторонники акторно-сетевой теории и материального поворота, когда ставят под сомнение объективность познания, которую отстаивает Поппер.

Да, утверждают последователи материального поворота, социальный исследователь (социолог или антрополог) идет в поле и рассматривает полевой и повседневный опыт как базовый и необходимый. Да, социальные исследования говорят о крайней изменчивости социальных отношений, поэтому нет смысла говорить об объективности, надо обсуждать объектность, то есть материальную составляющую мира как основу разговора о реальности. Да, социальные науки будут казаться абсурдными, пока не будут поняты пределы возможного. Чтобы преодолеть абсурдность, надо смотреть не на ограничения действия, а на ограничения условий истинности: до каких пределов описания исследователей имеют основания в реальном мире

и являются результатом рационального суждения. Обсуждение условий истинности необходимо, поскольку социология, ориентированная на объектность, оказывается субъективной: ограниченная объективность возможна, но только как формальное описание взаимодействия и ее предельной субъективной формы — любви.

Следуя скептическому подходу поворота к материальности, Харауэй противопоставляет естественные науки (hard sciences) и гуманитарные исследования (soft sciences). Однако и Харауэй, и Мол считают, что социология должна занимать позицию «мягких исследований» и тем самым подрывать объективность «жестких». Это отношение отражается и в вопросе Мол о характере любви к твердым материалам: рискованно слишком резко отказываться от своих оснований и идти навстречу их противоположности, поскольку тогда вместо желаемого ты можешь получить искаженную версию того, к чему стремишься. Ритвельд и Киверстейн предлагают другой подход. Они показывают, что социальное взаимодействие со средой включает и материальные аспекты (способ организации среды и ее отдельных объектов), и социальные — возможности использования объектов, которые определяются формой их организации. Тогда познание возможно, только если оно сочетает методы естественных и гуманитарных наук, любовь и строгую отстраненность, поскольку, исследуя, мы экспериментируем с возможностями описывать и познавать социоматериальные отношения и изменчивость.

167

Чтобы экспериментировать, пространство, или «ландшафт возможностей» должно быть богатым, или, пользуясь выражением Гирца, насыщенным. Именно к этому аспекту исследования аффордансов обращена статья Ритвельда и Киверстейна. В их логике насыщенность среды возникает в результате особого рода наблюдения, которое опирается на накопленный опыт и позволяет делать предположения о скрытых и неявных возможностях среды и особенностях ее организации («формы жизни»). В результате аффордансы позволяют экспериментировать с возможностью познания за счет расширения уже имеющихся навыков в новых ситуациях и их стабилизации в виде материальных объектов, инструментов и техник. Таким образом, неотрефлексированный неявный опыт приобретает явную материальную форму, становятся видимыми его структура и способ действия. Отрефлексированное действие может быть не только практическим, но и теоретическим, выводя неявное знание на новый уровень обобщения. Возникает своеобразная сеть навыков, экспертиз, практик и теоретического знания, которая позволяет структурировать опыт и делать видимой степень его насыщенности.

Форма любви или нежного отношения, которое Ритвельды испытывают к своим архитектурным объектам, не связана с хрупкостью

или ранимостью объектов, что делает их слабыми и придает отношениям «маскулинный» характер. Наоборот, Ритвельды своими проектами показывают скрытые возможности использования объектов, потенциал их различных интерпретаций и использования, тем самым организуя интерпретативный релятивизм в структуру возможностей разной степени доступности. Если перенести эту же логику на слова и применить ее к переводу, то переводчик всегда имеет дело со множеством скрытых смыслов и интерпретаций. Это делает «полный» перевод абсолютно невозможным, однако нельзя утверждать, что скрытые возможности текста при переводе утрачиваются. Скорее можно предположить, что они изменяют форму и становятся иными, тем самым невозможность полного перевода уравнивается его практической стабилизацией.

Идею перевести статью Эрика Ритвельда и Юлиана Киверстейна поддержали пять лет назад Виктор Вахштайн (признан властями РФ иноагентом) и затем Мария Ерофеева, однако проект осуществился лишь благодаря обсуждению и редакции статьи большим составом редколлегии «Российского журнала когнитивной науки», который, к сожалению, перестал выходить. В результате переводчик этой статьи в меньшей степени имеет право на единоличное авторство и скорее выполнял роль координатора в обсуждении текста, следуя его нелегкой судьбе.

168

Библиография / References

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*. 27(2): 171-232. EDN: YMICDF.

— Laet M., Mol A. (2017) Zimbabwean bush pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. 27(2): 171-232. — in Russ.

Поппер К. (2000). Логика социальных наук. В Лахути Д. Г., Садовский В. Н., Финн В. К. (ред.) *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики* (р. 298-314). М.: Эдиториал URSS.

— Popper K. (2000). The logic of the social sciences. In Lahuti D. G., Sadovsky, V. N., Finn, W. K. (eds.) *Evolutionary Epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics* (p. 298-314). Moscow: URSS Editorial. — in Russ.

Mol A. (2022). Material philosophy and the adaptability of materials. *Adaptive Behavior*, 30(6), 517-519. <https://doi.org/10.1177/1059712320984510>

Rietveld E. (2008). Situated normativity: The normative aspect of embodied cognition in unreflective action. *Mind*, 117(468), 973-1001. <https://doi.org/10.1093/mind/fzn050>

Rietveld E. (2022). The affordances of art for making technologies. *Adaptive Behavior*, 30(6), 489-503. <https://doi.org/10.1177/10597123221132898>

Rietveld E., & Kiverstein, J. (2014). A rich landscape of affordances. *Ecological psychology*, 26(4), 325-352. <https://doi.org/10.1080/10407413.2014.958035>

Shapin S., & Schaffer S. (2011). *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton University Press.

Волкова Наталья Алексеевна — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), руководитель проектов компании BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан. Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. ORCID: 0000-0002-6798-963X. E-mail: chestrek@gmail.com

Nataliya A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Project Lead, BISAM Central Asia, Almaty, Kazakhstan. Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. ORCID: 0000-0002-6798-963X. E-mail: chestrek@gmail.com